

*Н. В. Жадунова¹, А. А. Гришневая²**^{1,2}Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)**¹e-mail: zhadunovan@mail.ru**²e-mail: nastya_saransk@mail.ru*

«Новая этика» в контексте концепции антиидей А. И. Титаренко

Аннотация

Введение. Анализ комплекса вопросов, которые составляют смысловое ядро «новой этики», предполагает изучение различных явлений, часто противоречащих друг другу. Когда говорят о «новой этике», затрагивают проблему свободы выбора и самовыражения, жесткой детерминированности нравственных установок человека неким идеальным представлением о должном, социально приемлемом, одобряемом. Сторонники «новой этики» говорят о ней как о новом этапе в развитии морали, который бросает вызов традиционализму и тоталитаризму. Однако категоричность этого вызова оборачивается новым тоталитаризмом, как трикстер она меняет образ современной морали, создавая перевертыши добра и зла, свободы и несвободы, героев и антигероев.

Материалы и методы. Методологической основой анализа проблем «новой этики» является концепция антиидей А. И. Титаренко, а также концепции индивидуализации этики через отказ от коллективного Э. Нойманна и социальной интеракции Т. Лукмана. «Новая этика» как стремление обозначить и разрешить конфликты, возникающие в коммуникативном пространстве, обозначает потребность в поиске нормативных оснований для новых жизненных практик.

Результаты исследования. «Новая этика», что уже отражено в названии, строится на противопоставлении и столкновении, стремлении отказаться от традиционных запретов и предписаний, заставить несогласных признать их несостоятельность, взять на себя ответственность за действия и оценки прошлого, исправлять допущенные ошибки. Концепция антиидей позволяет посмотреть на «новую этику» и общественный резонанс по ее поводу как своеобразную игру, в которой действуют не герои, а антигерои, а стремление отстоять права на практике становится новыми формами подавления и обратной дискриминацией. Формализованная ценность Другого, обозначенная в требовании соблюдать политкорректность, оборачивается новым тоталитаризмом, требованием приспособиться к мнению меньшинства. Границы этического подвижны, нормативное и ненормативное трудноразличимо, а результаты непредсказуемы.

Обсуждение и заключение. Претензия «новой этики» на «новизну» является свидетельством того, что в обществе есть потребность в пересмотре моральных норм и ценностей, новых способах «борьбы за признание» индивидуальности, инаковости, своеобразной нравственной медиации между личной позицией, поступком и нравственной обоснованностью требований меняющего общества.

Ключевые слова: «новая этика», нормы, идеи, антиидеи, мораль, нормотворческие перспективы, культура отмены.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01167, <https://rscf.ru/project/23-28-01167/>.

Для цитирования: Жадунова Н. В., Гришнева А. А. «Новая этика» в контексте концепции антиидей А. И. Титаренко // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2024. Т. 24, № 1. С. 58–68. DOI: 10.15507/2078-9823.065.024.202401.058-068.

Natalia V. Zhadunova¹, Anastasia Al. Grishneva²

^{1,2} *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)*

¹ *e-mail: zhadunovan@mail.ru*

² *e-mail: nastya_saransk@mail.ru*

“New Ethics” in the Context of Anti-Ideas Concept by A. I. Titarenko

Abstract

Introduction. The analysis of the complex issues that make up the semantic core of the “new ethics” involves the study of various phenomena that often contradict each other. When they talk about the “new ethics”, they touch upon the freedom of choice problem and self-expression, the rigid determinism of human moral attitudes by some idea of what is proper, socially acceptable and approved. “New ethics” proponents speak about it as a new stage in the development of morality, which challenges traditionalism and totalitarianism. However, the categoricity of this challenge turns into a new totalitarianism, like a trickster, it changes the image of modern morality, creating shifters of good and evil, freedom and unfreedom, heroes and antiheroes.

Materials and Methods. The methodological basis for the analysis of “new ethics” problems are the concept of anti-ideas by A. I. Titarenko, E. Neumann’s concept of individualization of ethics through the rejection of collective and social interaction by T. Luckmann. The “new ethics” as a desire to identify and resolve conflicts arising in the communicative space indicates the need to find normative foundations for new life practices.

Results. The “new ethics”, what is already reflected in the title, is based on opposition and collision, the desire to abandon traditional prohibitions and regulations, force those who disagree to admit their inconsistency, take responsibility for the actions and assessments of the past, correct mistakes made. The concept of anti-ideas allows us to look at the “new ethics” and the public outcry about it as a kind of game in which antiheroes, not heroes, act, and the desire to defend rights in practice becomes new forms of suppression and reverse discrimination. The formalized value of the Other, indicated in the requirement to observe political correctness, turns into a new totalitarianism, the requirement to adapt to the opinion of a minority. The boundaries of the ethical are fluid, the normative and the non-normative are difficult to distinguish, and the results are unpredictable.

Discussion and Conclusion. The claim of the new ethics to “novelty” is evidence that there is a need for a revision of moral norms and values in society, new ways of “fighting for recognition” of individuality, otherness, a kind of moral mediation between a personal position, an act and the moral validity of the demands of a changing society.

Keywords: “new ethics”, norms, ideas, anti-ideas, morality, normative perspectives, culture of abolition.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01167, <https://rscf.ru/project/23-28-01167/>.

For citation: *Zhadunova N. V., Grishneva A. Al. “New Ethics” in the Context of Anti-Ideas Concept by A. I. Titarenko. Gumanitarian: aktual’nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2024; 24(1): 58–68. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.065.024.202401.058-068.*

Введение

Смысловое ядро «новой этики» включает в себя комплекс различных социокультурных явлений и моральных прак-

тик, часто противоречащих друг другу. Обсуждение «новой этики», споры вокруг сексизма, культуры отмены, борьбы за права меньшинств, дискриминации по раз-

личным основаниям, риторики ненависти и т. п. затрагивают проблему свободы выбора, борьбы за признание и самовыражение. Они, с одной стороны, обусловлены представлениями о равенстве и справедливости, с другой – требованием предоставить больше прав и свобод тем, кто когда-то был объектом дискриминации. «Новая этика», что уже отражено в названии, строится на противопоставлении и столкновении, стремлении отказаться от традиционных запретов и предписаний, заставить несогласных признать их несостоятельность, взять на себя ответственность за действия и оценки прошлого, исправлять допущенные ошибки. В этом смысле «новая этика» мало чем отличается от «старой». Ее сторонники, говоря о необходимости новых моральных норм, критикуют не нормы, а практики, традиции, поведенческие особенности. Так, например, требование быть политкорректным маркирует особенности коммуникативных практик, которые отражают хамство, наглость, циничность. Является ли политкорректность в свою очередь чем-то новым и моральным, если сегодня ее сторонники проявляют крайнюю нетерпимость к несогласным? Что происходит с политкорректностью, когда понятие «еврейский погром» становится не историческим фактом, а реальностью в европейской жизни?¹

Поскольку обсуждение большинства проблем «новой этики» происходит в медиапространстве и масштабируется благодаря цифровым технологиям, они неизбежно привлекают к себе внимание, отражают не только нравственные, но и социально-политические деструкции современного цифрового общества. По мнению исследователей, на политическом уровне «новоэтическая» проблематика граничит с навязыванием идеологических установок, установлени-

ем тотального контроля за соблюдением правил, диктуемых сообществом политических акторов [10, с. 173]. Она в качестве одного из инструментов формирует неоталитарные глобальные системы [6], которые характеризуются массовыми манипуляциями, изменением системы ценностей и мировоззрения [13, с. 7]. Причем этот контроль на уровне социума осуществляют не элиты, а «непрофессионалы», чьи возможности расширены благодаря цифровым технологиям [1, с. 68]. На социальном уровне «новая этика» – это новая циничная теория, которая «упрощенчески разделяет мир на господствующие и маргинализирующие идентичности...» [11, с. 13], новый тоталитаризм [4], усиленный коллективной виной, и обязательным стремлением ее загладить, хотя бы формально.

Материалы и методы

Исследование «новой этики» предполагает междисциплинарный подход, методологической основой которого может служить концепция антиидей А. И. Титаренко [20], а также концепции индивидуализации этики через отказ от коллективного Э. Нойманна [9] и социальной интеракции Т. Лукмана [5].

Поскольку мораль представляет собой результат развития человеческого общества, ее универсальность и партикулярность отражаются в индивидуальных поступках и социальном взаимодействии. Как отмечает А. П. Скрипник, мораль «развивается в диалоге как особой форме вербальной коммуникации. Кооперация и социальная структура образуют ее фундамент» [18].

Следовательно, изучать изменения, происходящие в морали, можно при условии погружения в коммуникативные практики, которые позволяют отслеживать основные противоречия, возникающие при столкно-

¹ См.: В Европе наблюдается всплеск антисемитизма, заявила ЕК. URL: <https://ria.ru/20231105/evgora-1907599582.html> (дата обращения: 11.10.2023).

вении идей и антиидей, противоречивых ценностных установок.

Идеи «новой этики», претендующей сегодня на выработку новых моральных установок, опираются на концепты прав человека в их максимально широкой трактовке, социального равенства, борьбы за признание, индивидуализм. Пропагандируя принципы гуманизма и толерантности, самооценности каждого человека, «новая этика» в то же время является отражением нарастающего конфликта между значительностью незначительного человека и социальной справедливостью, индивидуальными или групповыми травмами и коллективной ответственностью.

Апологеты и критики «новой этики» отмечают, что сложно определить ее смысловое ядро. Так, в контексте проблем этнической и гендерной дискриминации, борьбы за права меньшинств, культуры отмены как социального и политического явления понятия «хорошее» и «плохое», «терпимое» и «нетерпимое», «индивидуальное» и «коллективное» становятся синонимичными и утрачивают изначальные смыслы.

Работа А. И. Титаренко «Антиидеи. Опыт социально-этического анализа», вышедшая в 1976 г., содержит «критику «буржуазного» общества» в той его части, которая касается радикальных изменений в обществе, сопровождающихся моральным нигилизмом и «антигуманным активизмом». По мнению исследователя, «питательной почвой» для возникновения антиидей служат нравственный скептицизм, пессимистические и нигилистические умонастроения [20, с. 13]. Вынося за скобки идеологическую составляющую этой книги, рассмотрим концептуальные основоположения, которые А. И. Титаренко высказывает относительно формирования норм морали. В контексте марксистских идей он отмечает, что поиском новой системы нравственных ценностей характеризу-

ются «переходные исторические периоды», когда «ценностное восприятие, ощущение времени резко обостряется» и «человек ощущает течение своей личной жизни в водоворотах социального течения времени, властно требующего от него сознательного самоопределения на шкале окружающих его ценностей» [20, с. 420].

Нигилизм и активизм современного цифрового общества трансформировал многие идеи в антиидеи, оправдывая аморальные поступки, соблазняя человека «аморальным своеволием». Антиидеи являются маркером изменений, несостоятельностью моральной нормы и принципа, а потому подвергают их сомнению, обесценивают. В то же время антиидеи привлекательны: они формируют особую моральную оптику при взгляде на проблемы и коллизии современной жизни, с одной стороны, и обеспечивают раскрепощенность в поведении каждого человека – с другой, оправдывают манипулирование одних людей другими, подавление большинства меньшинством.

Антиидеи позволяют посмотреть на «новую этику» и общественный резонанс по ее поводу как своеобразную игру, в которой действуют не герои, а антигерои, и стремление отстоять права, избежать насилия и дискриминации оборачивается на практике новыми формами подавления и обратной дискриминацией. Причинами этого, по мнению А. И. Титаренко, могут быть «интенсификация межличностного общения», которая опасна «нравственно-эмоциональной разобщенностью», утратой качества и глубины эмоциональной связи с другими людьми, «морального резонанса с ними»; «кризис самовыражения», который порождает стереотипизацию, жесткую рутину стандартного поведения и восприятия; рост «функционально-ролевых, формально-деловых «моделей» поведения и завышенные моральные ожидания со стороны общества [20, с. 42–44].

Не вызывает сомнения, что «новая этика» предъявляет к человеку и современному обществу завышенные моральные ожидания, диктует необходимость признать ошибки прошлого, отказаться от тех традиционных установок, которые способствуют разобщенности и сегрегации в обществе. В этом, по словам А. И. Титаренко, выражается «эгоистическое своеволие», которое отвергает традиционную мораль, считая, что она исключает свободу человека, который маргинализируется, нащупывая новое общество и новые нормы. Он задается вопросом: «...где гарантия того, что “свободные переливы желаний” не выкристаллизуются в угнетение, подавление человека человеком? Что “новая этика”, построенная на “игре жизни”, не будет оправдывать своевольного манипулирования одних людей другими?» [20, с. 295].

Даже если в периоды перемен некоторые нормы утрачивают значимость, у человека все равно возникает потребность опираться на нормативные регуляторы, делая их источником поступков. Что может быть противопоставлено «свободным переливам желаний»? Вероятнее всего, самоконтроль со стороны человека, который позволит ему совершать поступки, обусловленные не мнением большинства, не эмоциями и потребностями, а собственным моральным выбором, согласованным с нравственными нормами.

По мнению Т. Лукмана, это согласование возможно, если подходить к анализу социальной реальности с позиций социальной интеракции коллективного и индивидуального, возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия [5, с. 16]. «Новая этика» тем самым представляется пограничным явлением между коллективными нормативными установками и их индивидуальной интерпретацией, во многом зависящей от времени и обстоятельств.

Изучение «новой этики» принято начинать с глубинной психологии Э. Нойманна,

для которого «новым» было стремление к индивидуализации людей, направленной на преодоление коллективного сознания. «Новая этика» представляет собой превращенную форму индивидуального и коллективного: «при отождествлении личностного эго с трансперсональным в форме коллективных ценностей ограниченный индивид теряет связь со своими ограниченными возможностями и таким образом становится бесчеловечным» [9, с. 130].

«Новая этика» в ее современном преломлении строится на противопоставлении и столкновении старого и нового, традиционного и инновационного, обезличивания и борьбы за признание. Она выступает в роли нормативного трикстера, побуждающего человека при всех его высоких идеалах проявлять «совокупность всех низших черт характера в людях» [22, с. 354]. Э. Нойманн полагал, что современному человеку в поиске моральных ценностей свойственна коллективная дезориентация, которая имеет двойственный характер и является попыткой разрешить конфликты современного человека: с одной стороны, «девальвации индивида», с другой – «завышенную оценку его индивида и эго». Признание фальшивости системы ценностей, которая существовала и существует, но не делает человека счастливым, формирует систему компромиссных «псевдоценностей» [9].

Псевдоценности дискредитируют основополагающие нравственные принципы, не признают моральной автономии личности, но стимулируют «необузданное моральное своеволие» [19, с. 259], которое ведет к росту «фанатичных моральных аномалий» [19, с. 298].

Претензия «новой этики» на «новизну» является свидетельством того, что в обществе есть потребность в пересмотре моральных норм и ценностей [16], новых способах «борьбы за признание» индивидуальности, инаковости, своеобразной нравственной

медиации между личной позицией, поступком и нравственной обоснованностью требований и действий других людей.

Результаты исследования

«Новая этика» строится на релятивизме, размывании границ добра и зла, поскольку, критикуя традиции, ничего не предлагает взамен, кроме ценности уникального Я, предполагающего, но не учитывающего мнения уникального Другого. Декларируя гибкость, признание равнозначности разных позиций и ценностей, «новая этика» в информационном пространстве выражается в придиричivosti, наставительности, назидательности, догматизме и в то же время в «упрощении» [17]. Внимание к деталям, тонкости словесной игры, грамматических конструкций («исследовательница», а не «исследователь», «авторка», а не «автор») и идеологических построений (признание коллаборационистов, сотрудничавших с нацистами в годы Второй мировой войны, героями²; поведение акций в Европе в поддержку ХАМАС³; шестиконечные звезды на домах евреев в Париже, пожары на еврейских кладбищах⁴) приводят к ситуации, когда любое высказывание становится двусмысленным, спорным. Возможно ли это расценивать как выражение возмущения против сильного, который третирует слабого, против того, правота которого была безупречна, а теперь вызывает сомнения? Вынужденно принимая одну из сторон в социальной и политической

коллизии, мы примеряем конформистскую модель моральной регуляции, по мнению А. П. Скрипника, противоположную индивидуалистской позиции, «которая абсолютизирует самостоятельность субъекта в ущерб его сопричастности, связи с социальным целым» [19, с. 301].

Необходимо отметить, что в «новой этике» индивидуализм и конформизм неоднородны и противоречивы. Те, кто решают «отменить» кого-то из-за несогласия с «хайповой» повесткой (права меньшинств, харассмент и др.), демонстрируют, что индивидуализм и конформизм одинаково поверхностны; они предполагают либо «извращенную чувственность», либо «извращенную рациональность». И то и другое – крайности, фиксирующие, но не рефлексизирующие происходящие изменения.

«Новая этика», несмотря на гуманистические устремления, отражает активную позицию той части современного общества, которая отстаивает интересы различных меньшинств. Инструменты, которые используются при этом (культура отмены, хейт, риторика ненависти), навязывают коллективную вину, формируют чувство стыда у тех, кто, по их мнению, должен нести ответственность за дискриминационные поступки предков. Она актуализирует чувство стыда, но в то же время стимулирует бесстыдство в той части, когда ранее запретное, интимное становится публичным, намеренно демонстративным, вызывающим. В этом

² См.: Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1918450/?lang=ru (дата обращения: 11.10.2023).

³ См.: «День ярости». Что известно о проходящих в мире акциях в поддержку ХАМАС. URL: <https://rtvi.com/news/den-yarosti-cto-izvestno-o-prohodyashhih-v-mire-akcziyah-v-podderzhku-hamas/> (дата обращения: 11.10.2023).

⁴ См.: На десятках домов Парижа появились звезды Давида. Франция нашла в этом «российский след», Москва крайне возмущена. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/11/na-desyatkah-domov-parizha-royavilis-zvezdy-davida-frantsiya-nashla-v-etom-rossiyskiy-sled-moskva-krayne-vozmuschena/> (дата обращения: 11.10.2023).

возможно усмотреть как положительные, так и отрицательные моменты. Вина и стыд позволяют человеку и обществу проходить важные этапы развития, вырабатывать знания, которые впоследствии служат основой для нормативных решений, выполняют регуляторную функцию в поведении. «Чувство вины может лежать в основе многих разделов ответственности, таких как личностной и социальной. Она играет очень важную роль в социализации человека для того, чтобы усвоить социальные нормы и правила, для плодотворного взаимодействия с обществом» [15, с. 97].

Однако социальная продуктивность вины и стыда возникает только тогда, когда они помогают прочувствовать чужое положение, как если бы встать на место Другого, ценности и ценность которого поставлены под сомнение. Такая вина и стыд формируют чувство ответственности не только за себя, но и за тех, кто не извлек подобного урока или создал ситуацию. Именно такое чувство, по мнению исследователей, является констатацией зрелости и осознанности: «Чувство ответственности, связанное с виной, способствует личностной зрелости и психологической состоятельности. В целом, чувство вины – это самостоятельное явление, возникающее в результате неудовлетворенности человека собой и окружающим миром, и призвано выполнять регулятивную функцию в управлении поведением человека» [15, с. 98].

Регулятивная функция здесь обусловлена личностным пониманием вины, а не навязыванием ее извне, кем-то другим, кто, возможно, даже не пострадал от этого. В первом случае вина – внутренний моральный регулятор, во втором – инструмент манипулирования, подавления, сегрегации.

Стыд важен для развития личности, он, по мнению исследователей, позволяет

формировать устойчивые представления о себе, осуществлять идентификацию с нормативным в поведении и оценивании [8, с. 23].

Для сторонников «новой этики» стыд не является значимым; напротив, они не испытывают ни смущения, ни робости, ни стеснения. Но негодуют, выражают досаду по поводу того, что им когда-то внушали чувство стыда, подавляли их стремления, желания, и теперь эту «санкционную» вину [3, с. 195] вменяют всем остальным. «Все это выступает проявлениями санкционной вины – дезадаптивной формы вины, подразумевающей наказание за какой-либо проступок субъекта, смысл которого заключается в причинении ему (субъекту) ответного ущерба. Неизбежность наказания, следующего за проступком, определяется установкой: “Виноватый обязательно должен быть наказан!”» [3, с. 196].

ПЕРЕФРАЗИРУЯ высказывание Ю. В. Горбатовской, можно обозначить лозунг апологетов «новой этики» следующим образом: «Виноватый в моей вине должен быть наказан!». На этом основании возникает такое явление, как культура отмены, когда тех, кто не признает проблему, обсуждаемую в обществе, или не готов сочувствовать тем, кто пострадал, «отменяют» (вспомним ситуацию с Региной Тодоренко⁵), исключают из сообщества.

Исследователь С. В. Чугров отмечает, что культура отмены – это явление «эпохи морального беспокойства», которое во многом стимулировано «доминированием веб-сетей», и сегодня обрела «концентрированный, почти тоталитарный характер». Культура отмены касается не только и не столько «отмены» людей, но и «отмены» целых государств, а также чревата обратной агрессивной реакцией со стороны «от-

⁵ См.: Регина Тодоренко теряет рекламодателей. Сколько может стоить неосторожно брошенная фраза. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4333010> (дата обращения: 11.10.2023).

меняемых»⁶. Здесь новая этика должна, по мнению С. В. Чугрова, «вернуться к нормальным формам общения, когда было бы невозможно представить себе «исключение» из него целой страны» [21, с. 96].

Санкции «новой этики» прежде всего касаются тех, кто своим поведением, высказываниями не подпадает под действие закона [7, с. 150]. Однако постепенно начинает работать на опережение, защищать возможных жертв от их гипотетических обидчиков. Так «белый европейского типа мужчина» заведомо опаснее, чем все остальные. Культура отмены как моральный феномен приобретает нормативную окраску еще и в правовом поле, поскольку «отмена» человека, помимо моральных страданий, может привести к репутационным и материальным потерям [12, с. 275].

У культуры отмены есть «отраслевая локализация» [2, с. 164] в шоу-бизнесе [14, с. 152], медиа, политике. Это механизм социального контроля, который строится на разрушении репутаций, информационном воздействии на тех, кто имел смелость высказаться против или иначе⁷. В основе «отмены», при первом приближении, лежит возмущение насилием, дискриминацией, отставание права быть «иным». При более детальном рассмотрении «отмена» проис-

ходит путем вычеркивания из публичного дискурса тех, кто имеет собственное мнение.

Обсуждение и заключение

Противоречивость «новой этики» в ее спорных и неоднозначных проявлениях характеризует современное цифровое общество, в котором желание заявить о себе, стать известным, позиционировать себя как прогрессивного человека, эксперта в какой-либо области оборачивается крайней категоричностью оценок и суждений, маргинализацией социального взаимодействия. Сегодня изменяются моральные нормы, открываются новые возможности для исследования сложных тем, которые ранее маркировались как запретные, недопустимые, предполагали негативную оценку, но тем не менее определяли сильные и слабые стороны человека, культуры и общества.

«Новая этика» является закономерным этапом развития морали, демонстрирующим проблемы современного общества и отражающим все сложности, которые неизбежно возникают, когда на смену одной идеологической установке – мнению большинства – приходит другая – стремление индивидуализировать норму и ее реализацию в поступках.

Список источников

1. Барков С. А. Неопределенность или тоталитаризм – сложный выбор человечества // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27, № 4. С. 49–77. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-49-77.
2. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162.
3. Горбатовская Ю. В. Модель развития нравственного сознания личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 192–197. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23- 2-192-197.

⁶ См.: Возможна ли «культура отмены» в России. Что такое «культура отмены», какие слова всплывают при сочетании «новая этика» и готовы ли россияне отказываться от брендов, которые ведут себя неэтично. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/10/15/kultura-otmeny/> (дата обращения: 11.10.2023).

⁷ См.: Культура отмены: как интернет следит за вашей репутацией. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/17861-kulturaotmeny-kak-internet-sledit-za-vashey-reputaciey/> (дата обращения: 21.03.2023).

4. Коцюбинский Д. А. «Новый тоталитаризм» XXI века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? СПб.: Страта, 2022. 276 с.
5. Лукман Т. Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ. Личная реминисценция / пер. с англ. В. В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12, № 1. С. 9–18. DOI: 10.19181/inter.2020.21.1.
6. Маляревич Д. В., Агафонова Е. В. Теория деколонизализма в дискурсе «новой этики» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 89–96. DOI: 10.17223/15617793/490/10.
7. Мухлынкина Ю. В., Иванов А. И. Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество // Позитив. Философские проблемы науки и техники. 2022. № 18. С. 148–161.
8. Наумчук Н. С. Общие категории стыда: онтогенез, ранние отношения, последствия // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2023. Т. 11, № 1. С. 21–34. DOI: 10.23888/humJ202311121-34.
9. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический. СПб.: Академ. проект, 1999. 206 с.
10. Оганисян Ю. С. Феномен тоталитаризма: выход в XXI век // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 167–177. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.12.
11. Плакроуз Х., Линдси Д. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. 384 с.
12. Подрабинок Е. М. «Культура отмены» и достоинство личности // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 271–282.
13. Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм – тренд развития цифрового общества // Свободная мысль. 2021. № 4. С. 5–19.
14. Ребрина Л. Н. Хейт-шоу: реализация хейта как коммуникативного феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 1. С. 151–163. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.1.13.
15. Рюмина Т. В., Зудова О. С., Лопатина В. Ю. Чувство вины в аспекте проблематики развития личности // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-2. С. 96–101. DOI: 10.18411/trnio-02-2023-84.
16. Савин Н. Общество в смятении // Социодиггер. 2023. Т. 4, вып. 9. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/obshchestvo-v-smjatenii> (дата обращения: 12.10.2023).
17. Секацкий А. К. Вторичное упрощение как способ обретения первоначала // EINAИ: Философия. Религия. Культура. 2021. Т. 10, № 2. С. 213–228.
18. Скрипник А. П. Круглый стол «Мораль: многообразие понятий и смыслов». URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/27_11_2012/KS_Content.pdf (дата обращения: 04.05.2023).
19. Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
20. Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. М.: Политиздат, 1984. 478 с.
21. Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88–98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07.
22. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

References

1. Barkov S. A. Uncertainty or totalitarianism – humanity’s difficult choice. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18; Sociologija i politologija = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science.* 2021; 27 (4): 49–77. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-49-77.
2. Bylevskij P. G., Cackina E. P. Phenomenological analysis of the phenomenon “culture of abolition”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2022; 2(857): 162–169. (In Russ.). DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162.

3. *Gorbatovskaja Ju. V.* Model of development of moral consciousness of the individual. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2023; 23 (2): 192–197. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23- 2-192-197.
4. *Kocjubinskij D. A.* The “new totalitarianism” of the XXI century. Will the fashion for security and prohibitions go away, and will the fashion for freedom and right return? Saint Petersburg, 2022, 276 p.
5. *Luckmann Th.* The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence / Transl. from English: V. V. Semenova. *Interaction. Interview. Interpretation.* 2020; 12 (1): 9–18. (In Russ.). DOI: 10.19181/inter.2020.21.1.
6. *Maljarevich D. V., Agafonova E. V.* Decolonialist theory in the discourse of the “new ethics”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023; 490: 89–96. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/490/10.
7. *Muhlynkina Ju. V., Ivanov A. I.* Culture of abolition: origins, manifestations, impact on society. *Pozicija. Filosofskie problemy nauki i tehniki* = Position. Philosophical problems of science and technology. 2022; 18: 148–161. (In Russ.)
8. *Naumchuk N. S.* General categories of shame: ontogeny, early relationships, and consequences. *Lichnost' v menjajushhemsja mire: zdorov'e, adaptacija, razvitie* = Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2023; 11; 1(40): 21–34. (In Russ.). DOI: 10.23888/humJ202311121-34.
9. *Nojman Je.* Depth psychology and the new ethics. The mystical man. Saint Petersburg, 1999, 206 p. (In Russ.)
10. *Oganis'jan Ju. S.* The Phenomenon of Totalitarianism: Entering the 21st Century. *Polis. Politicheskie issledovanija* = Polis. Political Studies. 2020; 2: 167–177. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.12.
11. *Plakrouz H., Lindsi D.* Cynical Theories. How everyone started arguing about race, gender identity and what's wrong with it. Moscow, 2022, 384 p. (In Russ.)
12. *Podrabinok E. M.* “Culture of Abolition” and the dignity of the individual. *Permskij juridicheskij al'manah* = Perm Legal Almanac. 2023; 6: 271–282. (In Russ.)
13. *Pugachev V. P.* Globalist totalitarianism is a trend in the development of digital society. *Svobodnaja mysl'* = Free thought. 2021; 4(1688): 5–19. (In Russ.)
14. *Rebrina L. N.* Hate-show: the realization of hate as a communicative phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie* = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2022; 21(1): 151–163. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.1.13.
15. *Rjumina T. V., Zudova O. S., Lopatina V. Ju.* Guilt in the aspect of personality development issues. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija* = Trends in the development of science and education. 2023; 94(2): 96–101. (In Russ.). DOI: 10.18411/trnio-02-2023-84.
16. *Savin N.* Society is in turmoil. *Sociodigger* = Sociodigger. 08.09.2023. Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/obshchestvo-v-smjatenii> (accessed 12.10.2023) (In Russ.)
17. *Sekackij A. K.* Secondary simplification as a way of acquiring the original. *EINAI: Filosofija. Religija. Kul'tura* = EINAI: Philosophy. Religion. Culture. 2021; 10; 2(20): 213–228. (In Russ.)
18. *Skripnik A. P.* Round table “Morality: diversity of concepts and meanings”. Available at: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/27_11_2012/KS_Content.pdf (accessed 04.05.2023). (In Russ.)
19. *Skripnik A. P.* Moral evil in the history of ethics and culture. Moscow, 1992, 351 p. (In Russ.)
20. *Titarenko A. I.* Anti-ideas. Experience of socio-ethical analysis. Moscow, 1984, 478 p. (In Russ.)
21. *Chugrov S. V.* Culture of Abolition in World Politics: Historical and Philosophical Roots. *Polis. Politicheskie issledovanija* = Polis. Political Studies. 2022; 5: 88–98. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07.
22. *Jung K. G.* Soul and myth: six archetypes. Kiev, 1996, 384 p. (In Russ.)

Поступила 14.11.2023.

Сведения об авторах

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, директор Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: прикладная этика, социальное нормотворчество. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Гришнева Анастасия Александровна – Председатель Государственного комитета по делам молодежи Республики Мордовия, соискатель кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0477-6984>.

E-mail: nastya_saransk@mail.ru

Submitted 14.11.2023.

About the authors

Natalia V. Zhadunova – Cand. Sci. (Philosophy), Director of the Institute for Corporate Education and Continuing Education of National Research Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: applied ethics, social norm-creating. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Anastasia Al. Grishneva – Chairman of the State Committee for Youth Affairs of the Republic of Mordovia, Applicant of Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0477-6984>.

E-mail: nastya_saransk@mail.ru